

АРМЕНИЯ — СОЮЗНИК РОССИИ

ИНТЕРВЬЮ ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ МИНИСТРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДОРА ШЕЛОВА-КОВЕДЯЕВА АГЕНТСТВУ СНАРК

— Федор Владимирович, что вы можете сказать о послании президента Армении Левона Тер-Петросяна главам государств — участников договора о коллективной безопасности?

— В соответствии с механизмом самого договора для принятия того или иного решения необходимо, чтобы собрались главы государств, которые подписали Договор о коллективной безопасности, и рассмотрели обращение одной из стран. Мне уже приходилось писать в «Независимой газете», что уже в силу того, что Армения подписала этот договор, она является союзником России, поскольку договор о коллективной безопасности — это фактически соглашение о военно-политическом союзе.

— И все это остается в силе даже несмотря на то, что договор не ратифицирован?

— Да, ибо в соответствии с международными нормами, в основном договоры действуют даже до ратификации, т. е. нормы этого договора являются действующими, но за некоторым, не очень существенным, исключением. Это вызвало неадекватную реакцию со стороны Азербайджана, который почему-то посчитал такую точку зрения моим личным пристрастием: якобы я выбираю союзников России. Это, мягко говоря, не очень верно, потому что один человек не может выбирать союзников. Дело в том, что Россия никого не заставляла и не отговаривала подписывать этот договор. Его подписали те государства, которые считали возможным стать союзниками. Союзниками между собой, а не союзниками одной России, т. е. Армения в такой же мере союзник Казахстана, Узбекистана и других государств, подписавших договор. Так что обижаться тут не приходится. Если кто-то хочет быть союзником этих государств, он может присоединиться к договору и будет таким же союзником, как и все остальные.

— В некоторых выступлениях в средствах массовой информации уже прозвучало мнение о том, что обращение Левона Тер-Петросяна — это попытка «интернационализации» конфликта. Что вы думаете по этому поводу?

— Дело в том, что этот договор предусматривает целый набор процедур в ответ на доказанный факт агрессии против одного из его участников. Если такой факт доказан, если предъявлены доказательства, то дальше начинает работать механизм возможного отражения агрессии, который начинается с очень мягких политических

переговоров, но потенциально может включать и какие-то коллективные меры по обеспечению территориальной целостности одного из государств-союзников.

— Остается ли еще надежда, что конфликт удастся решить дипломатическим путем, без применения силы?

— Если бы такой надежды не было, МИД России не предпринимал бы самых интенсивных усилий для того, чтобы переговорный процесс в рамках Римского форума, который готовит Минскую конференцию по мирному урегулированию конфликта, продолжал развиваться. Должен сказать, что президент России Борис Ельцин самым серьезным образом относится к этой проблеме, говорил об этом представителям МИД, которым удалось привлечь для решения этой проблемы самых высококвалифицированных специалистов.

— Возможен ли самый крайний вариант разрешения конфликта, или такой вариант вы уже не относите к дипломатическим?

— Нет. Даже введение миротворческих сил — это решение вопроса мирными средствами. Но для этого должно быть обеспечено прекращение огня, согласие обеих стран и разведение враждующих сторон хотя бы на минимальное расстояние, чтобы был образован коридор, куда бы могли войти наблюдатели и вслед за ними миротворческие силы, которые должны следить за соблюдением режима прекращения огня. Они и будут способствовать решению конфликта мирным путем. Возможен и «немирный» подход — он был продемонстрирован в свое время по отношению к Ираку. Это так называемые меры по принудительному восстановлению мира.

— По-видимому, самая большая проблема — определить, где этот коридор должен находиться и на чьей стороне останется та или иная территория: Лачинский перешеек, Шаумяновский, Мардакертский районы НКР и так далее.

— Обсуждаются разные варианты коридора, его ширины, расстояния, на которое разведены противоборствующие стороны. Я бы не хотел сейчас комментировать эти вопросы, потому что рассматриваются многие варианты. И останавливаться на каком-либо одном из них пока преждевременно.

— Но тем не менее, это самая главная проблема?

— Нет, это лишь одна из обсуждаемых сейчас проблем.

14 августа.
Москва.